

ЗАГАЛКА РОЗОВОГО ЦВЕТКА (письмо в редакцию)

В своем кратком, но пробуждающем мысль серьезно-веселом предисловии к публикации "Имени розы"^{*} С.О. пытается дать разгадку не совсем внятному названию романа У.Эко, что не вполне ему удается. Исследователь лишь перечисляет ряд приблизительных и сомнительных решений, вызывающих возражения, но неудача эта плодотворна, ибо подсказывает нам метод рассеянного или панораменного подхода, безразличного к классической точности и однозначности решений.

В самом деле, описываемая в предисловии минимальная библиотека современной беллетристики, книжный фонд которой исчерпывается "Именем розы", — свидетельство того, что исследователь верно подметил и оценил энциклопедическую емкость этой книги, а значит способен понять принципиальную многозначность большинства входящих в нее элементов, включая название.

Согласен, что "Имя розы" звучит невнятно-загадочно, но было бы тщетным, как это делает С.О., искать единственное решение загадки. Духовная установка У.Эко вполне соответствует (и провоцирует) духовной атмосфере 80-х годов, неоднократно описанной западными теоретиками постмодернизма и отечественными исследователями^{жж} — носители которой, с одной стороны, отказываются от единственных, "логоцентрических" решений духовных и художественных задач, а с другой, переформулируют их таким образом, чтобы множественность решений возникала как бы сама по себе. В результате таких усилий образуется "радужный спектр" решений (значений, возможностей), внутренняя организация которого может быть весьма разнообразной: слоистой (радуга), сложно ветвящейся (лабиринт, энциклопедия), расплывающейся на периферии (нечеткие множества), воспроизводящейся собственными частями (голограмма) и т.п.

Если У.Эко действительно удалось обрисовать литературными средствами духовную атмосферу 80-х годов, то исследователь его творчества должен, по-видимому, опираться не столько на традицион-

^{*} Умберто Эко, Имя розы (глава из романа), пер. с англ. В.Мазина; С.О., Идеальная библиотека, или Детектив для всех (вместо предисловия), "ЧАСЫ" № 70, 1987.

^{жж} См., например: А.Кобак, Б.Останин, Молния и радуга: пути культуры 60-80-х годов, "ЧАСЫ" № 61, 1986.

ный вычитательный принцип (на котором основаны классическая наука, решение кроссворда, детектив и который достигает единственного решения за счет последовательного отсекаания ложных и недостаточно адекватных гипотез), сколько на суммирующий принцип, согласно которому осуществляется компрессия или наслаивание друг на друга близких по тем или иным параметрам решений, причем результат суммирующей деятельности существует не как изолированно-статичная точка-достижение, а в виде динамичной зоны или поля виртуальных решений.

Вероятно, приверженцу рациональной логики типа "или-или" такое суммирование, взамен привычного вычитания-усечения, и мышление сложными динамичными полями, а не точками, дается с трудом и вызовет понятный протест: вплоть до объявления его невозможным, опасным с точки зрения биологического и культурного самосохранения (поскожь — дорога к упадку!), немислимым для конечного разумного существа с устойчивыми структурами сознания и противоречащим иудео-христианским заветам. Но мне хотелось бы говорить сейчас не о должном-недолжном, а об усилиях современной культуры (включая У.Эко) в направлении поскожи.

Понятно, что у суммирования как духовного и культуросозидающего принципа есть свои слабости, из которых, не вдаваясь в обсуждение, укажу лишь одну: утрату четкой структуры за счет безграничного умножения элементов и связей, "хаотизацию посредством аморфной экспансии", красноречиво описанную в сказке-предупреждении о волшебном горшке с кашей и забытом заклинании. (Остается, впрочем, вопросом, всегда ли "хаотизацию" следует оценивать как слабость.) Но зная об опасностях нарастания и расплывания, можно подумать и о создании механизмов по их преодолению или хотя бы регулированию (вероятно, рациональная двухвалентная логика — один из таких механизмов, со временем изрядно износившийся и требующий замены), с тем чтобы преодолеть и омертвелую вавилонскую груду, и механическую каталогизацию-пересчет — и предпочесть им сложный, упругий, жизнеспособный организм, напоминающий тело, язык или Церковь.

С.О. сделал шаг в сторону множественного, панорамного понимания названия романа, перечислив в объясняющем его комплексе "сознательную бессмыслицу, биографические реалии, нео-символизм, анаграмму, дефектное письмо", но как бы замер в некоторой растерянности на полпути от традиционного вычитательного принципа "или-или" к суммирующему "и-и".

В подтверждение своих слов дополню предположения С.О. о названии романа указанием еще двух не замеченных им источников (мож-

но, конечно, и больше, но два — вполне достаточный источник множественности).

1) Хрестоматийное размышление шекспировской (Шекспир пронизательно упомянут С.О.) Джульетты о поэте: "Что в имени? То, что зовем мы поэмой, — И под другим названием сохранило б Свой сладкий запах!" ("Ромео и Джульетта", II, 2, пер. Т.Щепкиной-Куперник). Оно могло бы стать предметом специального изучения в связи с актуализацией проблемы зависимости-независимости вещи от имени. С наивно-реалистическим, "народным" воззрением Джульетты, отстаивающей независимость вещи от имени, полемизирует армада богословов, философов, магов, лингвистов и физиков-теоретиков, подчиняющих, а то и сводящих вещь к имени. Для романа У.Эко, развертывающегося вокруг книги в лабиринтах средневековой библиотеки, эта отсылка и эта полемика вполне уместны.

2) Знаменитая книга Й.Хейзинги "Осень Средневековья"^{ж)}. У.Эко многим ей обязан — и как авторитетному источнику идей о позднем Средневековье, и как указателю образов и текстов, обильно и любовно воспроизведенных им во фрагментах (как известно, "коллажное переписывание" — один из главных приемов организации постмодернистского текста). Книгу У.Эко замыкает, смыкаясь с ее названием, строка из приведенного Й.Хейзингой стихотворения Бернарда Морланского (XII век): *Stat rosa pristina nomine, nomina nuda tenemus*, — извещающее читателя о том, что от былой поэмы остается лишь нагое (опущенное, выхолощенное) имя, что поэма пребывает прежней лишь по имени и что имена — единственный залог "вечности" вещей в потоке времени (в переводе Д.Сильвестрова: "Роза не прежняя: имя порожнее нам лишь осталось"). В отличие от У.Эко, Й.Хейзинга приводит целых двенадцать строк этого стихотворения, которые и помогают ввести эпилог и начало (название) романа в контекст поэтического мотива "былого великолепия", более всего известного отечественному читателю по "прошлогоднему снегу" Ф.Вийона и собственному опыту. Ностальгический вздох по прошлому — в силу особого значения обрамляющих роман концовки и начала — переносится на все произведение и подтверждает отмеченную С.О.внутреннюю склонность У.Эко к одному из двух прота- (и анта-) гонистов: скорее к догматическому слепцу из Бургоса, чем к гуманистическому сыщику из Баскервиля.

Но мне не хотелось бы — в пределах этого письма — впадать в

^{ж)} Одна глава из нее опубликована в "ЧАСАХ" № 59 (1986), полный перевод — в издательстве "Наука", 1988 г.

противопечие и завершать тезис о множественности как способе восприятия, понимания и образе жизни — топорливый ее упорядочиванием по иерархическим ступеням, — хотя в будущем, думаю, этого не избежать: необходимость оценки, иерархии, упорядочения нового изобилия все настойчивее ощущается теми, кто открыл для себя изобилие множественного мира и способствует его преумножению. И вряд ли дело здесь только в "духовной несвободе" и "логоцентрических привычках": лабиринт, который мы сооружаем вокруг себя, отнюдь не обязан быть плоским. Даже отринув "абсолютную" истину, мы удерживаемся от бесплодного релятивизма и утраты духовной энергии за счет приверженности истинам частичным. Вспомним, что обитатели разных стихий — от птиц до огненных саламандр — наилучшим образом приспособлены каждый к своей стихии, к своей экологической нише. Отход от абсолютизма не равнозначен релятивизму: между бесконечностью и пустотой имеются промежуточные сферы человеческого бытия (вера, язык, профессия, нация, семья), в которых и реализуются упомянутые частичные истины.

Не с этим ли промежутком связана интеллектуальная отвага и милая непоследовательность У.Эко, который сумел восполнить амонфную эклектику постмодернизма пружиной иерархического предпочтения и ввел в космополитическую множественность своего романа в жанре детектива, вынуждающего сыщика-исследователя на единственно-верное решение?